

Международное право и международные организации / International Law and International Organizations
Правильная ссылка на статью:

Пузырева Ю.В. Критический международно-правовой анализ Соглашения Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. 2025. № 4. DOI: 10.7256/2454-0633.2025.4.77345 EDN: VGSDQC URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=77345

Критический международно-правовой анализ Соглашения Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины

Пузырева Юлия Владимировна

ORCID: 0000-0003-4448-2200

кандидат юридических наук

Ученый секретарь; Диссертационный совет 03.2.006.01; Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12

[✉ yuliya_dugina@mail.ru](mailto:yuliya_dugina@mail.ru)

[Статья из рубрики "Международные судебные органы"](#)

DOI:

10.7256/2454-0633.2025.4.77345

EDN:

VGSDQC

Дата направления статьи в редакцию:

17-12-2025

Аннотация: Статья посвящена критическому международно-правовому анализу Соглашения о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины, заключенного 25 июня 2025 г. между Украиной и Советом Европы. Исследование сфокусировано на обосновании недействительности данного договора и установлении факта превышения полномочий со стороны главных органов Совета Европы, оспаривании легитимности новой модели создания органа международной уголовной юстиции. Проведенное исследование основано на результатах анализа научных трудов российских и зарубежных ученых в области международного права и уголовного права. Автор также анализирует Устав Совета Европы 1949 г., Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 г., Соглашение о создании Специального трибунала 2025 г., модели и правовые основы учреждения органов

международной уголовной юстиции временного характера. Методологическую основу исследования составили общенаучные (сравнения, анализа, синтеза, аналогии, дедукции, индукции и другие) и специальные (формально-логический, толкования права и другие), историко-правовой, системный и другие методы познания. Учитывая, что в отечественной юриспруденции данная тема не исследована, статья, обладая научной новизной, может выступить доктринальной основой для дальнейших дискуссий и формирования концептуальной теоретико-правовой основы по выработке контраргументов в противовес принимаемым нелегитимным решениям Совета Европы и Украины. В работе обоснованно доказано отсутствие у Совета Европы полномочий по созданию временного органа международной уголовной юстиции, в том числе при применении концепции подразумеваемой компетенции международных организаций. Авторские доводы позволили представить критическую оценку правомерности учреждения органа международной уголовной юстиции на основе договоренностей между государством и международной региональной организацией с компетенцией в сфере защиты прав человека. Автор опровергла возможность вынесения вопроса по квалификации актов агрессии в действиях государств и вопроса по иммунитетам должностных лиц государств на уровень международной региональной организации, игнорируя Совет Безопасности ООН. Результаты исследования могут применяться в научно-исследовательской и образовательной деятельности, а также могут быть полезны в практическом аспекте для компетентных органов Российской Федерации, отстаивающих интересы Российской Федерации на международной арене.

Ключевые слова:

органы международного правосудия, трибуналы *ad hoc*, Организация Объединенных Наций, Совет Европы, Украина, международный договор, международные преступления, агрессия, юрисдикция, Специальный трибунал

25 июня 2025 г. Совет Европы подписал с руководством Украины Соглашение о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины (далее Специальный трибунал) (*Agreement between the Council of Europe and Ukraine on the Establishment of the Special Tribunal for the Crime of Aggression against Ukraine. 25 June 2025* [Электронный ресурс] // URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902312> (дата обращения: 15.09.2025)). На данное решение последовал молниеносный ответ со стороны МИД России, подчеркнувшего, что «работа и решения этого органа для нас будут ничтожны. Присоединение к нему любого государства будем расценивать как враждебный демарш, отражающий стремление не к урегулированию, а к усугублению нынешнего кризиса вокруг Украины. В отношении подобного инструмента заказного правосудия будут приниматься ограничительные меры, предусмотренные в законодательстве Российской Федерации. Действиям его наиболее рьяных энтузиастов будет дана и уголовно-правовая оценка» (О подписании соглашения между Советом Европы и Украиной о «Специальном трибунале». Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, 26 июня 2025 г. [Электронный ресурс] // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/2032397/#8 (дата обращения: 15.09.2025)).

Принятые правовые решения между Советом Европы и Украиной поставили на повестку дня важный и сложный юридический вопрос: насколько возможно создать новый орган международной уголовной юстиции (далее ОМУЮ) под эгидой международной региональной организации в обход Организации Объединенных Наций (далее ООН) в

угоду интересам западных государств и однополярному взгляду на происходящий конфликт на Украине? В целях разрешения данного вопроса в статье будет проведен анализ исторических предпосылок, экспертных правовых подходов и принятых на их основе решений главных органов Совета Европы по созданию Специального трибунала, после чего будут представлены объективные юридические и доктринальные контраргументы, позволяющие признать недействительным заключенный договор, а также оспорить легитимность новой модели создания ОМУЮ и учрежденного на ее основе Специального трибунала.

Впервые идеи по созданию под эгидой Совета Европы временного ОМУЮ возникли в апреле 2022 г., когда на обсуждение Парламентской ассамблеи Совета Европы (далее ПАСЕ) был вынесен вопрос об оперативном учреждении «специального международного уголовного трибунала с мандатом на расследование и судебное преследование за преступление агрессии, предположительно совершённое политическим и военным руководством Российской Федерации» (Parliamentary Assembly. Recommendation 2231 (2022). The Russian Federation's aggression against Ukraine: ensuring accountability for serious violations of international humanitarian law and other international crimes. [Электронный ресурс] // URL: <https://pace.coe.int/pdf/4507c7b51ec344aa23f7ad754b1bbd2673ccd9a0159c82211c614ea329f2905e/rec.%202231.pdf> (дата обращения: 15.09.2025)).

Правовыми инициативам предшествовали исследования западных экспертов о разработке различных подходов к моделям создания ОМУЮ по преступлению агрессии против Украины, начиная от варианта копирования механизма учреждения Нюрнбергского или Токийского трибуналов, заканчивая предложениями по разработке гибридного (смешанного) суда на основе имеющихся практик в сфере международной уголовной юстиции (The Russian Federation's aggression against Ukraine: ensuring accountability for serious violations of international humanitarian law and other international crimes. Report. Committee on Legal Affairs and Human Rights. Doc. 15510. 26 April 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://pace.coe.int/pdf/4bc8a7831b0c055b84c3075c8c7b9a964f1262035f204342fd4dea431f22d365/doc.%2015510.pdf> (дата обращения: 15.09.2025)). Учитывая, что эти варианты оказались не столь приемлемыми для Украины и западных государств в части быстрой и успешной реализации, была выработана новая модель создания специального ОМУЮ посредством сотрудничества Украины с Советом Европы. Отметим, что параллельно велась разработка проекта по учреждению такого судебного органа под эгидой Европейского союза [1]. Однако, учитывая неширокий членский состав данной организации и ряд других спорных аргументов, решение было принято в пользу Совета Европы.

В рамках западной концепции учреждения Специального трибунала был предложен следующий правовой алгоритм легализации принимаемых решений в данной сфере: Украине предписывалось обратиться к Комитету министров, основываясь на ст. 15(а) Устава Совета Европы, с просьбой о рекомендации государствам-членам принять «общую политику» в отношении поддержки Специального трибунала. Такое обращение предоставляет Совету Европы полномочия на заключение с Украиной соглашения о создании данного органа (The Russian Federation's aggression against Ukraine: ensuring accountability for serious violations of international humanitarian law and other international crimes. Report. Committee on Legal Affairs and Human Rights. Doc. 15510. 26 April 2022. [Электронный ресурс] // URL: <https://pace.coe.int/pdf/4bc8a7831b0c055b84c3075c8c7b9a964f1262035f204342fd4dea431f>

22d365/doc.%2015510.pdf (дата обращения: 15.09.2025)), а государства-члены Совета Европы приобретают ведущую роль в этом процессе, инициируя переговоры, оказывая трибуналу политическую и финансовую поддержку и участвуя в назначении его членов в соответствии с процедурами, установленными в договоре. После принятия такого соглашения Совет Европы может заручиться поддержкой Генеральной Ассамблеи ООН, Европейского союза или других региональных организаций, что обеспечит поддержку новому ОМУЮ по агрессии против Украины.

Ответ на вопрос, почему в юрисдикцию Специального трибунала должен войти только один состав – преступление агрессии, кроется в том, что это единственное международное преступление, по которому на данный момент Международный уголовный суд (далее МУС) не может реализовывать свою юрисдикцию. В 2010 г. на Кампальской конференции по обзору Римского статута МУС были приняты поправки, определившие понятие агрессии как международного преступления и его элементы, а также условия осуществления Судом юрисдикции в отношении данного преступления. В 2017 г. на заседании Ассамблеи государств-участников Статута МУС была принята резолюция, вводящая в действие юрисдикцию Суда по агрессии с 17 июля 2018 г. Также на обсуждение был вынесен серьезный вопрос о том, как гармонизировать условия осуществления данной юрисдикции (особенно в п.п. 4, 5 ст. 15 bis Статута) с правилами юрисдикции Суда в отношении иных международных преступлений по ст. 12 Статута с тем, чтобы установить юрисдикционные рамки, единообразно применяемые ко всем основным международным преступлениям и выработать единый унифицированный стандарт осуществления Судом юрисдикции. По итогам заседания Ассамблеи государств-участников Статута решения по данному сложному и дискуссионному вопросу принято не было.

В 2025 г. на повестку специальной сессии Ассамблеи государств-участников Статута по пересмотру поправок, касающихся преступления агрессии, вновь был вынесен вопрос о доработке положений Статута в части его юрисдикции, который государствам разрешить не удалось. Тем не менее, по итогам специальной сессии было принято решение о продолжении работы по данной важной теме и повторной встрече для обсуждения предложений государств в 2029 г. (ICC-ASP/S-1/Res.1. Adopted at the 5th plenary meeting, on 9 July 2025, by consensus. ICC-ASP/S-1/Res.1. The review of the amendments on the crime of aggression [Электронный ресурс] // URL:https://asp.icc-cpi.int/sites/default/files/asp_docs/ICC-ASP-S-1-Res.1-ENG.pdf (дата обращения: 15.09.2025)). Как отмечает по этому поводу А.Г. Кибальник: «...об эффективном международном уголовном преследовании за преступление агрессии в настоящее время говорить невозможно» [\[2, с. 300\]](#).

Невозможность отправления правосудия под эгидой МУС по преступлению агрессии явилось основанием для заключения между Советом Европы и Украиной договора по Специальному трибуналу. В данном контексте не без иронии следует отметить, что две западные державы, постоянные члены Совета Безопасности ООН – Франция и Великобритания, которые внесли решающий вклад в международную универсальную криминализацию агрессии, блокируют на протяжении многих лет разрешение вопроса по юрисдикции МУС за преступление агрессии. Однако оперативно участвуют в поддержке и разработке правовых основ отправления правосудия по преступлению агрессии в рамках нового регионального и искусственно созданного ОМУЮ по Украине.

Разработанная западными экспертами и поддерживаемая западными государствами организационно-правовая схема учреждения Специального трибунала была оперативно

реализована властями Украины. Так уже 13 мая 2025 г. Украина письменно обратилась в Совет Европы с просьбой о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины в рамках Совета Европы, после чего Комитет министров 4 июня 2025 г. на 1530-м заседании заместителей министров принял решение о создании Рабочей группы по Специальному трибуналу, открытой также для государств-наблюдателей и для Европейского Союза, с мандатом на изучение проектов правовых документов, представленных Украиной, и подготовку решений, необходимых для учреждения такого трибунала в рамках Совета Европы. Впоследствии Комитет министров уполномочил Генерального секретаря Совета Европы решением, принятым 24 июня 2025 г. на 1532-м заседании заместителей министров, заключить Соглашение между Советом Европы и Украиной об учреждении Специального трибунала, включая его Статут.

Исходя из анализа заключенного сторонами соглашения и принятого Статута Специального трибунала следует, что Трибунал создан в рамках сотрудничества Совета Европы с Украиной. Юрисдикция Специального трибунала основана на территориальной юрисдикции Украины. Специальный трибунал будет следовать международно- и регионально (выделено автором) признанным стандартам надлежащей правовой процедуры и верховенства права, например, положениям Европейской конвенции о защите прав человека 1950 г., Люблянско-Гаагской конвенции о международном сотрудничестве при расследовании и судебном преследовании преступления геноцида, преступлений против человечности, военных и других международных преступлений 2024 г. (выделено автором), обеспечивая справедливое судебное разбирательство, соблюдение прав участников разбирательств и независимость судебной системы. Помощь работе трибунала будет оказана за счет структур, функционирующих при Совете Европы (Европейский Суд по правам человека) и при Европейском союзе (Международный центр по расследованию преступления агрессии против Украины, Евроюст).

Конкретные практические действия по формированию организационной и материальной базы для работы Специального трибунала будут реализованы предположительно в 2026 г. после того, как государства обеспечат его финансовую и политическую поддержку в рамках Расширенного частичного соглашения.

К западным правовым аргументам и доводам, легализующим возможности Совета Европы по созданию нового ОМУЮ относятся следующие. Во-первых, инициаторы концепции создания Специального трибунала отмечают, что компетенция Совета Европы по оказанию помощи Украине в учреждении механизма международной уголовной ответственности основана на том факте, что агрессия России против Украины, наличие которой констатирует Совет Европы, представляет собой серьёзное нарушение Устава данной организации. В этой связи в ответ на масштабные нарушения прав человека, совершенные на территории одного из государств-членов Совета Европы, все государства-члены Совета Европы могут объединиться для достижения целей Организации и защиту её общих идеалов и принципов в соответствии со ст. 1 Устава. Кроме того, в преамбуле Устава Совета Европы установлена чёткая связь между стремлением к миру и отправлением правосудия, поскольку правосудие и ответственность за грубые нарушения прав человека являются ключом к восстановлению мира.

Во-вторых, как отмечают представители западной доктрины, Совет Европы, будучи международной организацией, учрежденной на основании договора, в соответствии с общим международным правом обладает правоспособностью взаимодействовать с государствами-членами в рамках своей компетенции, в том числе посредством

заключения договоров. На первый взгляд, это утверждение касается общей правоспособности и никак не коррелирует с правом взаимодействия в сфере реализации института индивидуальной ответственности должностных лиц за международные преступления. Однако, по мнению западных юристов, если применить доктрину подразумеваемых компетенций международных организаций, согласно которой организация обладает теми полномочиями, которые необходимы для достижения заявленной цели и задач, то действия и решения Совета Европы вполне обоснованы [3]. В этой связи, с позиции западного подхода, если считать заявленную Советом Европы агрессию России против Украины угрозой правам человека и основным свободам в Украине (в частности) и в регионе Совета Европы в целом, то Совет Европы вправе заключить с Украиной договор, целью которого будет обеспечение совместных действий в ответ на эту угрозу и обеспечение продвижения и полной реализации уставных целей Совета Европы по соблюдению и реализации прав человека и основных свобод. В данном контексте необходимо отметить, что со времен Нюрнбергского процесса агрессия считается наиболее тяжким преступлением против международного мира и безопасности [2, с. 300], права человека являются далеко не ключевым объектом посягательства.

В-третьих, Украина наделена правом сотрудничать с другими субъектами международного права, включая международные межправительственные организации, поэтому имеет возможность официально пригласить Совет Европы для оказания помощи в создании и работе Специального трибунала. В качестве доводов в западной доктрине представлены следующие примеры временных ОМУЮ, учрежденных посредством обращения государств за помощью к ООН: Специальный суд по Сьерра-Леоне был создан после обращения Сьерра-Леоне, Чрезвычайные палаты в судах Камбоджи – после обращения Камбоджи, Специальный трибунал по Ливану – после обращения Ливана. Что касается региональных межправительственных организаций, то в данном контексте представлен пример обращения Южного Судана к Африканскому союзу в целях учреждения Гибридного (смешанного) суда по Южному Судану [1; 3].

На этом исследование западных аргументов следует завершить и перейти к предметному анализу правовых и доктринальных контраргументов, которые позволяют оспорить легитимность новой модели создания ОМУЮ и учрежденного на ее основе Специального трибунала.

Во-первых, следует подчеркнуть, что создание Специального трибунала международной региональной организацией (Советом Европы) подрывает основы международного права и полномочия ООН в свете поддержания мира и безопасности. Совет Европы не имеет правовой компетенции для оценки действий России, поскольку право на определение существования акта агрессии в соответствии с Уставом ООН принадлежит только Совету Безопасности ООН. Как справедливо отметил в одной из своих работ А.Б. Мезяев, рассуждая о правовых механизмах создания новых ОМУЮ, «*Nemo dat quod non habet* – Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам», иначе субъект таких решений выходит за пределы своих полномочий, то есть действует *ultra vires* [4, с. 27].

Во-вторых, как справедливо и безапелляционно определил МИД России, «Совет Европы с юридической точки зрения как международная организация вправе осуществлять лишь те полномочия, которыми его наделили государства-члены. Отправление уголовной юстиции к числу полномочий Совета Европы, как известно, не относится. При этом уголовное правосудие – чувствительная сфера государственного суверенитета. Презумировать передачу соответствующих функций или говорить об их молчаливом делегировании от государств международной структуре невозможно. Страсбургская

структуре не имеет права учреждать «спецтрибунал», поскольку не является региональной организацией по поддержанию мира и безопасности. Если даже Генеральная ассамблея ООН не может своим решением создавать уголовный трибунал, неужели кто-то допускает возможность, что Комитет министров Совета Европы обладает такими полномочиями?» (Выступление заместителя Постоянного представителя Российской Федерации при ОБСЕ М.В. Буяковича на заседании Постоянного совета ОБСЕ, 25 апреля 2024 г. // [Электронный ресурс] // URL:https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1946764/ (дата обращения: 15.09.2025)).

Представленная позиция МИД России достаточно подробно раскрыта в отечественной и зарубежной доктрине международного права. Так, многие юристы-международники признают существование у международных межправительственных организаций «подразумеваемой компетенции», необходимой для успешного достижения организацией целей своего учреждения, но изначально не предусмотренной положениями учредительного акта [\[5, 6\]](#). Однако при реализации такой компетенции международные организации не могут возлагать на себя новые задачи сверх учредительного договора, а подразумеваемые вспомогательные полномочия должны быть строго выведены или из целей и функций такой организации, или следовать из предоставленного функционала самой организации или ее органов [\[7\]](#). При этом учредительные акты международных организаций должны «толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора» (ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Согласно ст. 1 Устава Совета Европы: «Целью Совета Европы является достижение большего единства между его Членами во имя защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим достоянием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу». При этом закреплено, что «эта цель будет достигаться усилиями органов Совета Европы посредством рассмотрения вопросов, представляющих общий интерес, заключения соглашений и проведения совместных действий в экономической, социальной, культурной, научной, правовой и административной областях, равно как и путем поддержания и дальнейшего осуществления прав человека и основных свобод». Комментируя уставные цели Совета Европы, ученые отмечают, что «в целом межправительственное сотрудничество в рамках СЕ направлено на разработку общих стандартов в сфере прав человека» [\[8, с. 27\]](#), что не имеет никакого отношения к формированию международных уголовных механизмов для отправления правосудия по самому тяжкому международному преступлению – агрессии. Как отмечает Г.И. Тункин, реализация международной организацией дополнительных полномочий в рамках подразумеваемой компетенции ни в коей мере не предполагает изменение и расширение ее учредительного договора [\[9, с. 296\]](#).

Таким образом, исходя из общих нарушений, связанных с присвоением Советом Европы полномочий сверх учредительных целей, заключенное с Украиной двустороннее Соглашение допустимо признать недействительным на основе отдельных статей части V. Недействительность, прекращение и приостановление действия договоров (Раздел 2: Недействительность договоров) Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.

В-третьих, из суверенного равенства государств вытекает иммунитет должностных лиц от иностранной уголовной юрисдикции. Деяния должностных лиц являются деяниями государства, а одно государство не вправе судить другое государство в своих судах

[\[10\]](#), поэтому государства не могут передать международной организации полномочия, которыми сами не обладают. Таким образом Совет Европы не может "преодолеть" иммунитет российских должностных лиц, а разработанный механизм отправления международного уголовного правосудия является юридически недействительным и не может породить никаких обязательств для России.

В-четвертых, используемый вариант создания ОМУЮ через сотрудничество Украины и Совета Европы в обход ООН никак не соотносится с устоявшимися и апробированными за многие десятилетия моделями учреждения временных ОМУЮ и, бесспорно, вызывает много вопросов. Как отмечает А.Г. Волеводз, «система международного уголовного правосудия на нынешнем этапе своего развития включает: международные уголовные трибуналы *ad hoc*, создаваемые Советом Безопасности ООН в качестве вспомогательных органов; смешанные (гибридные) трибуналы двух видов: (1) создаваемые в соответствии или на основе договоров государств с ООН и (2) формируемые временными администрациями ООН на территориях государств, где проводятся миротворческие операции; национальные суды, к юрисдикции которых отнесено рассмотрение дел о международных преступлениях с участием международных судей и иных участников уголовного судопроизводства» [\[11, с. 31\]](#).

Правовой основой создания первой группы ОМУЮ являются резолюции Совета Безопасности ООН (далее СБ ООН), как например, Резолюция СБ ООН № 827 от 25 мая 1993 г. о создании Международного трибунала по бывшей Югославии. Правовая основа второй группы ОМУЮ представлена или двусторонними договорами государств с ООН (Соглашение между ООН и Ливанской Республикой об учреждении Специального трибунала по Ливану 2007 г.), или комплексом актов, принимаемых СБ ООН и временными администрациями ООН, учрежденными в процессе миротворчества (Резолюция СБ ООН 1244(1999) от 10 июня 1999 г. и Распоряжение Миссии ООН по делам временной администрации в Косово (МООНВАК) № 1999/5 от 4 сентября 1999 г. «Об учреждении Суда последней инстанции *ad hoc* и прокуратуры *ad hoc*». И, наконец, третья группа временных ОМУЮ, представляющая собой, как отмечает А.Г. Волеводз, «интернационализированные суды» [\[11, с. 5\]](#) – национальные суды, к юрисдикции которых отнесено правосудие по делам о международных преступлениях с участием международных судей и иных участников уголовного судопроизводства, учреждаются на основании национальных актов государств при определенных условиях сотрудничества с ООН. Так, например, в структуре Суда Боснии и Герцеговины был учрежден Отдел по военным преступлениям после того, как в 2004 г. был принят Закон о передаче дел из Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в прокуратуру Боснии и Герцеговины и об использовании собранных Международным уголовным трибуналом по бывшей Югославии доказательств в судопроизводстве в судах Боснии и Герцеговины.

Представленные модели учреждения временных ОМУЮ и их правовые основы были подробно исследованы в отечественной и зарубежной доктрине международного права [\[12, 13\]](#), что позволяет утверждать о признании сформированных к настоящему времени типовых подходов по учреждению непостоянных ОМУЮ для самых разнообразных ситуаций, складывающихся в государствах и требующих поддержки со стороны международного сообщества в отношении отправления международного уголовного правосудия или национального правосудия при международном участии. Механизм создания Специального трибунала по Украине в 2025 г. не подпадает ни под одну из существующих моделей функционирования современных ОМУЮ.

Кроме того, применение западными экспертами для обоснования создания Специального

трибунала прецедентов по учреждению временных ОМУЮ посредством реализации механизма обращения суверенных государств к международным региональным организациям также юридически беспредметно. Так, отсылка к обращению Южного Судана к Африканскому союзу с просьбой о создании Гибридного (смешанного) суда по Южному Судану не применим в отношениях между Украиной и Советом Европы в части создания Специального трибунала. Следует отметить, что африканский гибридный судебный орган был создан в качестве *механизма правосудия переходного периода* (выделено автором) в рамках мирного соглашения 2015 г., подписанного правительством Южного Судана и Народно-освободительным движением Судана, что нашло подтверждение в рамках обновлённого мирного соглашения (R-ARCSS) от сентября 2018 г. Вторым немаловажным моментом являются полномочия Гибридного суда, заключающиеся в расследовании и судебном преследовании лиц, ответственных за тяжкие преступления, совершенные в Южном Судане с 15 декабря 2013 г., включая преднамеренные убийства гражданских лиц, изнасилования и другие виды сексуального насилия, принудительную вербовку детей, насилиственное перемещение и другие преступления. В юрисдикцию не входит международное преступление агрессии, определением наличия которого вправе заниматься только Совет Безопасности ООН. И, наконец, необходимо отметить, что компетенция Африканского союза, цели его создания, предусмотренные в Уставе гораздо шире и многообразнее, нежели цели создания Совета Европы. Кроме того, Уставом Африканского союза 2000 г. предусмотрено право вмешательства во внутренние дела государств-членов, если речь идет о совершении на территориях государств военных преступлений, геноцида и преступлений против человечности.

В-пятых, вызывают озабоченность отдельные правовые акты, которые, исходя из анализа положений Статута Специального трибунала, среди прочих договоров по правам человека указаны в качестве основы сотрудничества и отравления правосудия, как например, Люблянско-Гаагская конвенция о международном сотрудничестве при расследовании и судебном преследовании преступления геноцида, преступлений против человечности, военных и других международных преступлений 2024 г. Этот договор был принят в рамках неправительственных инициативных механизмов, минуя ООН и иные международные организации, и представляет собой соглашение, претендующее на установление новых положений материальной части международного уголовного права, формирующее обязательства государств по созданию специальных правовых режимов для расследования и судебного преследования за преступления геноцида, преступлений против человечности, военные преступления и другие международные преступления. Конвенция по своему содержанию напоминает «сборник извлечений» из многих современных универсальных и региональных договоров по борьбе с общеуголовными преступлениями и оказанию правовой помощи по уголовным делам, положения которых адаптированы под международные преступления. При этом по тексту Соглашения 2025 г. не представлены ссылки на действующие универсальные и значимые региональные нормативные акты в изучаемой сфере. Отсюда следует вопрос о том, какими признанными правовыми актами и какими принципами планируют руководствоваться участники потенциального международного судебного процесса в целях достижения беспристрастности и законности?

Подводя общие выводы в статье, следует остановиться на следующих предметных тезисах:

- из положений Устава Совета Европы никоим образом не следует компетенция данной организации по созданию и обеспечению работы временного ОМУЮ по рассмотрению

преступления агрессии даже при потенциальном применении доктрины подразумеваемых компетенций международных организаций;

- создание Специального трибунала в рамках Совета Европы не обеспечивает его международный, независимый и легитимный характер;
- нелегитимная структура в сфере международной уголовной юстиции, созданная при поддержке международной региональной организации (Совета Европы), не имеет права заниматься квалификацией преступления агрессии в обход Совета Безопасности ООН и, тем более, посягать на иммунитеты должностных лиц Российской Федерации. При этом, если к вопросу отнести предметно более широко, то и на иммунитеты должностных лиц Республики Беларусь и Корейской Народно-Демократической Республики, в адрес которых западные государства формируют обвинения по ситуации с Украиной;
- механизм создания Специального трибунала не подпадает под апробированные и устоявшиеся модели формирования ОМУЮ, а учреждение ОМУЮ *ad hoc* на основе договоренностей между государством и международной региональной организацией с компетенцией в сфере защиты прав человека в обход ООН неправомерно;
- вызывает опасения очередная подмена западными государствами действующих принципов и норм международного права новыми формируемыми правилами, стандартами и нелегитимными прецедентами, которые могут быть восприняты отдельными государствами как руководство к действиям. Так, в частности, в настоящее время в зарубежной доктрине проводятся исследования о перспективах создания Специального международного трибунала в отношении Израиля по уголовному преследованию за агрессию против Ирана с апробацией механизма учреждения, заложенного соглашением Совета Европы и Украины.

В сложившейся ситуации полагаем, что Российской Федерации необходимо активно представлять свои контраргументы на площадках международных организаций по Соглашению Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала и отстаивать объективные исторические, политические предпосылки и правовые основы начала специальной военной операции в 2022 г.

Библиография

1. Tsybulenko E., Rinta-Pollari H. Legal Challenges in Prosecuting the Crime of Aggression in the Russo-Ukrainian War // *Review of Central and East European Law*. 2023. Vol. 48 (3-4). Pp. 319-350. DOI:10.1163/15730352-bja10087. EDN: QSHJQR.
2. Кибальник А.Г. Преступление агрессии: обманутые ожидания Международного уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 2. С. 300-310. DOI: 10.17150/2500-4255.2019.13(2).300-310. EDN: HTLPDE.
3. Owiso O. An Aggression Chamber for Ukraine Supported by the Council of Europe [Электронный ресурс] // URL: <https://opiniojuris.org/2022/03/30/an-aggression-chamber-for-ukraine-supported-by-the-council-of-europe/> (fbclid=IwAR2WOc3jgY6fJY5qJ3zJw9Hff0SGIC72sxldnEPyNLxzomrXmPGYrLCv8N8 (дата обращения: 15.09.2025).
4. Мезяев А.Б. Международные «механизмы» в современной международной уголовной юстиции // Международное право и международные организации / *International Law and International Organizations*. 2020. № 1. С. 20-28. DOI: 10.7256/2454-0633.2020.1.31472 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31472

5. Шибаева Е.А. Право международных организаций: Вопросы теории. М., 1986. 160 с.
6. Кляйн Э. Международные и наднациональные организации // Международное право / под ред. Вольфганга Графа Витцтума [и др.]; пер. с нем. 2-е изд. / [В. Бергманн, сост.]. М., 2015. 1072 с.
7. Лебединец И.Н. К вопросу о подразумеваемой компетенции международных организаций // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 197-205. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.63.2.197-205. EDN: VUTIAL.
8. Guidikova I. General Introduction // Council of Europe. Ed. by T. Kleinsorge. Netherlands, 2010. Pp. 25-36.
9. Тункин Г.И. Теория международного права; под общ. ред. Л. Н. Шестакова. М., 2006. 396 с. EDN: QXCLNJ.
10. Скуратова А.Ю. Развитие концепции иммунитетов должностных лиц государства от иностранной уголовной юрисдикции // Государство и право. 2017. № 2. С. 79-88. EDN: YHQDBX.
11. Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции: понятие и множественность институциональных моделей // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 3-13. EDN: QJDSNF.
12. Шинкарецкая Г.Г. Смешанные уголовные трибуналы: новый вид правосудия? // Международное право и международные организации. 2014. № 2. С. 294-303. EDN: SEIBWV.
13. Schabas W. The UN International Criminal Tribunals: The Former Yugoslavia, Rwanda and Sierra Leone. Cambridge, 2006. 711 р.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

В статье, представленной на рецензирование, как это вытекает из ее наименования, осуществлен критический международно-правовой анализ Соглашения Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины. Название работы отражает ее содержание: ученый вводит в научный оборот юридически значимые сведения об обстоятельствах заключения данного Соглашения; оценивает доктрины, положенные в его основу; рассматривает их интерпретации; аргументирует свою позицию по ряду дискуссионных вопросов, связанных с исследуемыми фактами (заключение Соглашения; создание Специального трибунала и др.).

Актуальность избранной ученым темы исследования несомненна. В настоящее время на глазах мирового сообщества происходит создание нового нелегитимного органа международной уголовной юстиции с подачи международной региональной организации (Совета Европы) в обход Организации Объединенных Наций. Данный процесс требует всестороннего обсуждения и оценки. Дополнительно ученому необходимо указать фамилии ведущих специалистов, занимавшихся исследованием поднимаемых в статье проблем, а также раскрыть степень их изученности.

Методология работы в тексте статьи не раскрывается. Автору нужно перечислить использованные им методы исследования и показать, как именно они использовались при написании статьи.

Научная новизна статьи проявляется в методологическом подходе ученого, выраженном

в критическом международно-правовом анализе факторов, обуславливающих создание Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины, а также в дополнительной аргументации занимаемой Россией позиции по данному вопросу. Статья, безусловно, вносит определенный вклад в развитие общей теории международно-правовой науки, а также международного уголовного права и международного уголовного процесса.

Научный стиль исследования выдержан автором в полной мере. Статья написана литературным русским языком и отражает высокую степень юридической грамотности ученого.

Структура работы логична. Во вводной части статьи ученый обосновывает актуальность избранной им темы исследования. В основной части работы автор осуществляет анализ исторических предпосылок, экспертных правовых подходов и принятых на их основе решений главных органов Совета Европы по созданию Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины, а также формирует и обосновывает свою позицию по данному вопросу. Основная часть исследования не делится разделы и подразделы. В заключительной части статьи содержатся выводы по результатам проведенного исследования.

Содержание статьи полностью соответствует ее наименованию и не вызывает особых нареканий. Однако оно не лишено недостатков формального характера.

Так, автор пишет: "Правовыми инициативам предшествовали исследования западных экспертов о разработке различных подходов к моделям создания ОМУЮ по преступлению агрессия против Украины..." - "по преступлению "агрессия"" либо "преступлению агрессии".

Ученый отмечает: "Однако оперативно участвуют в поддержке и разработке правовых основ отправления правосудия по преступлению агрессия в рамках нового регионального и искусственно-создаваемого ОМУЮ по Украине" - дефис лишний (опечатка).

Исследователь пишет: "В данном контексте необходимо отметить, что со времен Нюрнбергского процесса агрессия считается наиболее тяжким преступлением против международного мира и безопасности [2, с. 300]..." - "преступлением против международного мира и безопасности" (опечатки).

Автор указывает: "При этом, если к вопросу отнести предметно более широко, то и на иммунитеты должностных лиц Республики Беларусь и Корейской Народно-Демократической Республики, в адрес которых западные государства формируют обвинения по ситуации с Украиной.." - "более широко" (опечатка).

Таким образом, статья нуждается в тщательном вычитывании - в ней встречаются опечатки. Приведенный в рецензии перечень опечаток не является исчерпывающим!

Библиография исследования представлена 13 источниками (монографиями и научными статьями), в том числе на английском языке. С формальной и фактической точек зрения этого достаточно. Автору удалось раскрыть тему исследования с необходимой полнотой и глубиной. Работа выполнена на высоком академическом уровне.

Апелляция к оппонентам (по вопросу о доктрине "подразумеваемой компетенции", по поводу заключения Соглашения Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины, создания самого трибунала) носит косвенный характер, что объясняется направленностью исследования и отсутствием обширной литературы по затрагиваемым автором вопросам. Научная дискуссия ведется ученым корректно. Положения работы аргументированы в должной степени и проиллюстрированы примерами.

Выводы по результатам проведенного исследования носят характер тезисов и аккумулируют основные научные достижения автора по рассматриваемым вопросам.

Безусловно, заслуживают внимания читательской аудитории заключения автора о том, что Совет Европы вмешивается в сферу чужой компетенции и занимается созданием нелегитимной структуры в области международной уголовной юстиции, нарушая тем самым действующие принципы и нормы международного права. Следует согласиться с ученым в том, что подмена западными государствами действующих принципов и норм международного права произвольно формулируемыми правилами, стандартами и процедурами не может не вызывать серьезных опасений у большей части мирового сообщества.

Интерес читательской аудитории к представленной на рецензирование статье может быть проявлен со стороны, прежде всего, специалистов в сфере международного права и дипломатических работников. Ознакомление с данной работой будет весьма полезно студентам старших курсов и аспирантам. Статья имеет непосредственную теоретическую и практическую ценность, поскольку в ней автор показывает, как выработанные международно-правовой наукой доктрины (в частности, доктрина «подразумеваемой компетенции») интерпретируются на практике, каким образом могутискажаться принципы и нормы международного права со стороны заинтересованных участников международного общения и как бороться с недобросовестными практиками в данной сфере.

Таким образом, несмотря на некоторые недостатки формального характера, работе может быть дана достаточно высокая оценка. В целом статья соответствует требованиям, предъявляемым к научным работам такого рода, и рекомендуется к опубликованию после небольшой доработки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на научную статью «Критический международно-правовой анализ Соглашения Совета Европы и Украины о создании Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины»

1. Предмет исследования

Предметом исследования является международно-правовая легитимность Специального трибунала по преступлению агрессии против Украины, учрежденного на основе двустороннего соглашения между Украиной и Советом Европы в июне 2025 года. Автор исследует правовые основания создания данного органа, его соответствие уставным целям Совета Европы и сложившимся в международном праве моделям формирования органов международной уголовной юстиции (ОМУЮ).

2. Методология исследования

Методологическую основу составляют сравнительно-правовой, формально-юридический и исторический методы. Автор последовательно сравнивает предложенную модель с историческими прецедентами (Нюрнберг, Токио) и устоявшимися типами ОМУЮ (*ad hoc*, гибридные, интернационализированные суды), проводит формальный анализ

учредительных документов (Устав Совета Европы, Венская конвенция о праве договоров 1969 г.) на предмет компетенции организации и восстанавливает историю вопроса, включая генезис идеи трибунала в ПАСЕ и процессуальные шаги по его созданию.

3. Актуальность

Актуальность исследования не вызывает сомнений. Статья посвящена анализу события, произошедшего за несколько месяцев до ее написания, что свидетельствует о высоком уровне оперативности. Вопрос о механизмах привлечения к ответственности за преступление агрессии является одним из наиболее дискуссионных в современном международном праве, особенно на фоне пробелов в юрисдикции Международного уголовного суда. Автор вносит существенный вклад в осмысление новой, потенциально прецедентной модели.

4. Научная новизна

Научная новизна заключается в комплексном критическом анализе новой правовой формы создания ОМУЮ через соглашение государства с региональной организацией, чей мандат не связан напрямую с вопросами международной уголовной юстиции и поддержания мира. Автор убедительно формулирует вывод о формировании нелегитимного «инструмента заказного правосудия», что представляет собой оригинальную и четко сформулированную научную позицию.

На наш взгляд, новизна исследования могла бы быть усиlena более глубоким сопоставлением с текущими дискуссиями о реформе юрисдикции МУС по преступлению агрессии (ссылка на резолюцию ICC-ASP/S-1/Res.1 от 9 июля 2025 г. приведена, но могла бы быть активнее использована в анализе).

5. Стиль, структура и содержание

Статья отличается четкой, логичной структурой. Текст разделен на введение, основную часть, построенную по принципу противопоставления аргументов «за» и «против», и заключение с тезисными выводами. Стиль изложения в целом соответствует научному, однако в ряде случаев присутствует излишняя политизированность и оценочность формулировок (напр., «в угоду интересам западных государств», «искусственно создаваемого ОМУЮ»). Это, безусловно, отражает остроту и политизированность самой темы, но для академического текста предпочтительнее более нейтральный язык, где критика основывается исключительно на правовых, а не политических категориях.

6. Библиография

Список литературы обширен и включает ключевые международные документы, официальные заявления и научные работы. Однако прослеживается дисбаланс в подборе научных источников. В статье активно цитируются российские ученые (Кибальник, Мезяев, Волеводз, Тункин) и некоторые зарубежные авторы, критикующие модель. Следует отметить, что полностью отсутствуют ссылки на научные публикации ученых, которые обосновывают законность создания такого трибунала (при условии, что такие публикации уже имеются в научных изданиях). Это снижает уровень научной дискуссии.

7. Апелляция к оппонентам

Автор корректно излагает основные правовые аргументы сторонников создания трибунала, ссылаясь на доклад ПАСЕ Doc. 15510 и позицию западных экспертов. Однако апелляция носит преимущественно ознакомительный, а не полемический характер. Контрагументы автор строит не в диалоге с конкретными научными

позициями оппонентов, а скорее отталкиваясь от их тезисов, формулируя собственную систему критики.

8. Выводы и интерес для читательской аудитории

Выводы статьи емки и соответствуют заявленным целям. Автор последовательно отстаивает тезис о неправомерности создания Трибунала, нарушении Советом Европы своих уставных целей, подрыве полномочий Совета Безопасности ООН и создании опасного прецедента.

Статья несомненно вызовет интерес у специалистов в области права международных организаций и международного уголовного права; политологов и экспертов, изучающих европейскую безопасность и российско-украинский конфликт.

Общий вывод и мнение рецензента

Представленная статья соответствует профилю (юридическому, в том числе научной специальности 5.1.5) и критериям журнала «Международное право и международные организации». Она посвящена актуальной и сложной международно-правовой проблеме, основана на анализе первоисточников и демонстрирует высокий уровень научной аргументации. Несмотря на отмеченные замечания, работа рекомендуется к публикации как в представленном виде, так и с возможностями ее незначительной доработки (на усмотрение автора).

На наш взгляд, аргументацию автора можно было бы усилить, более четко развив тезис о нарушении фундаментального принципа равенства перед законом. Селективный мандат Трибунала, сосредоточенный только на преступлении агрессии, предположительно совершенном одной стороной конфликта, создает классическую ситуацию «выборочного правосудия». Такой подход не только противоречит цели международного уголовного права, но и напрямую подрывает его легитимность. Автору было бы целесообразно привести не только политическую, но и строгую правовую критику этого аспекта, возможно, сославшись на принципы универсальности юрисдикции и запрет дискриминации, которые являются основами современных международных стандартов. Углубление этого аргумента значительно усилило бы критическую часть статьи, преобразовав ее из анализа отдельного случая в работу о системных рисках для всего института международной уголовной юстиции.